

ПОЛИТИЯ

А.Г.Левинсон

ФЕНОМЕН ЛЕВАДЫ

Редакция журнала «Полития» обратилась через меня к сотрудникам Юрия Александровича Левады с просьбой написать о «школе Левады». Я обсудил это предложение с теми из них, кто наиболее долго сотрудничает с Ю.А.Левадой и мог бы при других обстоятельствах претендовать на роль учеников этого ученого. Общее мнение всех моих собеседников таково, что ни «школы Левады», ни «учеников Левады» не существует. Мы имеем дело с другими явлениями и само по себе это очень важное обстоятельство. Иначе сказать, мы пришли к выводу, что не можем считать правильным применение понятия «научная школа» в отношении социальной формы взаимодействия Ю.А.Левады с его сотрудниками, читателями его работ, оппонентами и др.

Поскольку среди участников этого обсуждения именно у меня свое время Ю.А.Левада был научным руководителем (аспирантура ИКСИ АН СССР 1969–1972), и потому формально я могу считаться его учеником, я взялся более подробно осветить вопрос, поставленный редакцией. Изложенное ниже есть, таким образом, уже моя личная версия ответа на это вопрос.

У Ю.А.Левады как ученого нет не только учеников и школы. Более того, у него почти не нашлось ни сторонников, ни оппонентов в дискуссиях по фундаментальным вопросам социологии, как, впрочем, и по вопросам оценки актуальных социальных феноменов. При явном сгущении интереса и внимания к политическим аспектам судьбы ВЦИОМ, далее ВЦИОМ-А, где он был или является директором, его деятельность как аналитика не находит институционализированной реакции научного сообщества.

У Ю.А.Левады несомненно есть авторитет, к его мнению безусловно прислушиваются. Но этих людей нельзя назвать ни его адептами, ни его последователями. (Верно и обратное: у него постоянно находились недоброжелатели и даже хулители, но они никогда не вступали с ним в научную дискуссию).

Поэтому я предлагаю обратиться к другой стороне деятельности Ю.А.Левады, оказавшей на развитие социального знания в нашей стране воздействие, сравнимое с тем, которое оказывают обычно научные школы. Как и в случае с научными школами, явление не связано только с одним лишь лидером, хотя его роль больше роли каждого из других участников процесса. Поэтому описываемый далее феномен я назвал бы даже не «феноменом Левады», а более отвлеченно – «феноменом L». Этот феномен отнюдь не лежит в рамках одного лишь института науки. И потому с трудом подходит на роль неклассического кейса для разработки в рамках социологии науки.

То, что образует «Феномен L», в такой же степени есть описание того, что делал и продолжает делать собственно Ю.А.Левада, в какой есть описание несовершенств в устройстве нашего общества. Можно пофантазировать, что делал бы человек такого склада в «нормальных условиях», но гораздо интереснее проследить, что получилось в условиях реальных. Деятельность Ю.А.Левады и его коллег, по моему убеждению, спровоцирована и в значительной степени сформирована этими несовершенствами, поскольку является чредой более или менее успешных попыток их компенсации во имя того, что он и стоящие рядом с ним и считают «нормальным», то есть должным или благом.

Сферу, в которой разворачивалась и разворачивается этот феномен L, ту область, где сказываются основные результаты его присутствия, я бы назвал сферой «общественности». Общественность – это достаточно специфический феномен нашей социальной жизни. Он, видимо, стоит на том месте, где в более известных мировой социологии случаях находится гражданское общество.

Начать нужно с выпуска философского факультета 1949 года. На курсе сложились условия, которые редко, но регулярно встречаются в России со времен, по меньшей мере, Пушкинского лица. В силу ряда причин происходит соединение и резкое взаимоусиление дарований и возможностей, соединившихся на несколько лет в относительно свободной атмосфере. Прощедшие такую возвышающую социализацию выпускники способны сделать в своей области очень много. Так было и с этим выпуском, где рядом с Ю.А.Левадой, чуть раньше или чуть позже учились Б.А.Грушин, А.А.Зиновьев, М.К.Мамардашвили, Э.Г.Юдин, Г.П.Щедровицкий, а также М.С.Горбачев, и еще многие другие. Единство судьбы на протяжении нескольких лет учебы предопределило не единство, а наоборот, очень большое разнообразие их судеб после окончания курса. Каждый из этих перечисленных людей, и еще многие из не перечисленных, сыграли значительную роль в очень многих областях жизни страны, выходя даже, в случае философа М.К.Мамардашвили, за рамки собственно философии.

За эти рамки сразу же вышел и Ю.А.Левада, который, на следующем этапе, когда он писал диссертацию по историческому материализму, продемонстрировал в первый раз то, что станет типовой для описываемого явления формой действия. А именно – выход за предписанные институциональные рамки, но выход не аномический (значит, не «диссидентский», не «бунтарский»), а с нетривиальным использованием существующих институциональных форм. В данном случае это заключалось в том, что диссертационное исследование по историческому материализму – всегда кабинетное – он выполнил, по сути дела, как исследование, которое у нас, при широком понимании социологии, сейчас называлось бы социологическим. Это был результат полевых наблюдений над деятельностью форм местного управления в КНР, для чего автор поехал в Китай, предварительно овладев началами китайского языка.

Представляет интерес следующий эпизод деятельности Ю.А.Левады в рамках академической науки. Институт философии Академии наук СССР в те годы собрал нескольких из помянутых выпускников философского факультета МГУ, и потому там отчасти воспроизвелась описанная ситуация выпуска 1949 г. Ю.А.Левада в это время занимался социальной природой религии, писал об этом книгу. Это исследование примечательно тем, что там впервые в нашей литературе такого рода используются данные социологических опросов, но еще более – тем, что там за счет применения концепта культуры была продемонстрирована возможность вывести изучение общественных явлений вовне истматовской парадигмы.

Заслуживает внимания и то, что это последняя из написанных Ю.А.Левадой монографий, то есть книга, отвечающая стандартам научной продукции академического ученого. Больше Ю.А.Левада, ныне признанный ученый и мэтр, монографий не публиковал, а работал далее только в жанре и формате статей (а также интервью). Думаю, что этот выбор неклассического жанра есть столько же факт биографии ученого, сколько характеристика социальной формы социального знания в нашем обществе на этот момент.

Возвращаясь в середину 1960-х, скажу, что после написания этой книги Ю.А.Левада был опознан его главным оппонентом – научно-партийной бюрократией – как безусловно существенная для них фигура. Возможно, тогда, устами одного из самых крепких волков назвав его «своим», они сделали на него некую ставку, и просчитались. Но, так или иначе, Ю.А.Левада был самым молодым (35 лет) доктором философии для тех лет. Чуть позже он возглавил сектор теории и методологии в Отделе конкретных социальных исследований Института Философии АН СССР (здесь состоялось мое знакомство с ним). Вскоре подразделение превратилось в самостоятельный Институт Конкретных Социальных Исследований (ИКСИ) АН СССР.

Вступление на эту первую руководящую должность стало основой очередного проявления феномена L, быть может, самого известного нашей общественности. Образовавшийся в первые же годы круг сотрудников, сменив несколько институциональных форм, продолжает существовать до сегодняшнего дня, а это значит, около 40 лет. Такой результат нельзя считать рядовым и для дружеского сообщества, не говоря уже о научном коллективе. Здесь снова есть основание подчеркнуть, что этот научный коллектив объединен (нужны ли еще доказательства, что он объединен) не вокруг научной идеи и не вокруг определенного направления в социологии. Нельзя сказать и то, что этот коллектив объединен отношениями личной преданности руководителю. Аффективная связь, уважение, иные формы личного отношения безусловно присутствуют, но не объясняют устойчивости круга. Добавим, что научные интересы и сферы практики, в которых подвизаются члены этого сообщества, пересекаясь, являются достаточно различными.

Единое понимание ценностной подосновы социологического изучения общества объединяет этих людей друг с другом и с Ю.А.Левадой как символическим центром круга. Социологическая практика вообще не является совокупностью исследовательских действий и только, а уж та, которая использует в качестве средства общенациональный опрос, – тем более. Такие занятия всегда помещены в поле, где социолог-исследователь сам является одним из субъектов, и его объект обладает собственной субъектностью, и есть еще целый ряд значимых для обеих сторон инстанций и фигур. При этом устройство поля таково, что порождение исследователем знания о самом поле не безразлично прочим участникам образующих это поле коммуникаций.

Школы нет, но есть заданные тем коллективом, который когда-то был сплочен Ю.А.Левадой, принципы поведения исследователя в этом поле. Эти принципы столь же этические, сколь технические, столь же теоретически обоснованы, сколь практически обкатаны.

Они никогда и нигде не формулировались. Но их существование широко известно. Собственно, расчет именно на них делают, скажем, журналисты, обращаясь к кому-либо из членов этого сообщества за интервью. Не уникальность информации, не глубина анализа, не острота формулировок, хоть порой все это присутствует, ищется журналистами в этих случаях. Речь идет о найденной и отстаиваемой такой позиции исследователя, с которой он говорит на равных с обществом, не подчиняя себя его мнению, и не претендуя на позицию над ним.

Тогда, в 1960-е годы, эта позиция только закладывалась и отрабатывалась в основном во внутреннем общении. Возникший круг молодых людей начал очень интенсивную и достаточно обычную для научного коллектива работу. Сначала в Отделе конкретных социальных исследований Института философии, а затем, когда Институт конкретных социальных исследований был выделен как самостоятельное учреждение – в отделе теории методологии и методологии этого института. Была развернута активная деятельность по переводам, реферированию, анализу современной западной социологии.

Однако более известными и, в этом смысле, оставившими больший след в жизни советской московской общественности, были начатые тогда же семинары, так называемые «семинары Левады». Это очень важная форма существования науки, но далеко не только науки, но также и общественной мысли, или все той же общественности в рамках тоталитарного бюрократического строя. Сама форма этих семинаров существовала как противоположность институциональным формам, свойственным бюрократическому устройству в науке и в общественной жизни. На семинары приходили слушателями все те, кто пожелает, то есть они были неформальными. Туда приглашались выступать люди, знакомство с которыми происходило также по неформальным линиям. Но, тем не менее, неформальная с обеих сторон форма становилась институционально определенной, потому что это

были регулярные заседания со своей процедурой, с соблюдением определенных правил академического общения.

Нельзя сказать, что это были только научные семинары, что они были только социологическими. Слово «социология» приложимо здесь лишь частично и то при широком понимании этого слова. Скорее, это надо было бы назвать обществознанием. На семинары приглашались по сути дела все те, кто имел определенный социальный опыт в отрефлектированной так или иначе форме. Результатом этих семинаров оказывалось накопленное особого рода знание, общественная компетентность.

Здесь я хочу подчеркнуть то, что далее становится основой феномена L – это реализация антибюрократических потенций советской интеллигенции, которая, как показали впоследствии коллеги Ю.А.Левады Л.Гудков и Б.Дубин, сама являлась элементом бюрократической структуры. При этом реализация в формах всегда не анархических, к чему готова госбюрократия, а в институциональных, но используемых принципиально небюрократическим путем, то есть используемых содержательно, а не формально, что вызывает в бюрократии куда более сильный протест.

Антибюрократический характер этого мероприятия состоял в том, что преодолевалась пресловутая закрытость советского общества, то есть его незнаемость для самого себя. Бывает во многих общественных условиях, что общество, благодаря пресечению коммуникаций по горизонталу существует, но существует лишь постольку, поскольку оно объединено какой-то единой властью или религией, или еще какими-нибудь внешними скрепами, но не ведомо самому себе. Работы по этому общественному самопознанию, работы, которые, повторяем, нельзя свести только к научным исследованиям, и осуществлял семинар Левады. Наверное, именно с этим была связана его высокая популярность в кругах той же самой общественности.

По сути дела такую же функцию общественного самопознания, социальной рефлексии исполняли «лекции Левады». Лекции читались на факультете журналистики МГУ в конце 60-х – начале 70-х годов, это были первые лекции по социологии, после того, как последняя была упразднена и отправлена на философском пароходе из Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Интерес гораздо более широкой, чем журналистской, общественности к этим лекциям, выраженный в том, что большая зоологическая аудитория на Никитской была обычно полна, говорил о важности функции ознакомления общества с самим собой. Лекции играли прежде всего эту роль, а также знакомили общество с наукой о нем – социологией. Типичным для описываемого феномена был конец этих лекций и отдела, как формально существующих образований. Инстанции идеологического контроля в лице Московского городского комитета КПСС обрушились на эту деятельность, также были спущены с цепи старые идеологические сторожа из Академии общественных наук при

ЦК КПСС. Это был последний бой, который дала эта плеяда сталинских еще специалистов по идеологическому контролю в науке и сопредельных областях. Они уже не могли заниматься прямым уничтожением, отправкой на расстрел или в лагерь. Все свелось к разметыванию сложившегося уже было научного коллектива. ИКСИ АН СССР потерял 80% штата.

Началась следующая фаза феномена L – фаза существования семинаров Левады как имеющего вполне определенную форму, но подчеркнуто неформального общественного образования. Семинар кочевал из одного института Академии наук в другой, успевали провести несколько заседаний, прежде чем партком получал указания прекратить эту деятельность.

Контингент посетителей был примерно тем же, публика уже близко подходила по составу к той, что потом стали называть диссидентской, и соответствующие формы контроля со стороны органов безопасности были тут как тут. Их прессинг становился все сильнее, и семинар через некоторое время из проходившего в официальных учреждениях превратился в семинар квартирный, с постепенным сужением круга участников до нескольких человек, и в этой форме он продолжал существовать несколько лет.

Это были годы активного порождения существенных научных продуктов, здесь можно сослаться на несколько работ, написанных Левадой. При том, что основным адресатом таких семинаров была общественность, а не научная аудитория, не цех ученых, вышли статьи, которые были безусловно научным и сугубо научным продуктом. Тут выяснилось, что эти статьи Левады за ничтожным исключением его ближайшего окружения не нашли отзвук. Я полагаю, что предложенный уровень анализа, тот язык, на котором они были написаны, просто не имели на тот момент соответствующих читателей, компетентной аудитории. Эти статьи ждут своего читателя среди современных социологов.

Здесь стоит сказать о языке и стиле Ю.А.Левады. Он может и письменно и устно выражаться именно так, как сказано выше, но делает это крайне редко. В ходе семинаров Левада нарочито практиковал и практикует – в отличие от многих своих коллег из научного истеблишмента – использование бытового языка, гротескно отличающегося от научного лексическими средствами, называнием сложных социальных феноменов словом «штучка», нарочитым обытовлением использованных понятий и категорий. (Подчеркнем, речь ни в коем случае не идет об употреблении ненормативных выражений, obscenностей). То же самое можно сказать об одежде, стиле Левады, который, по моим понятиям, был и является демонстративно антибюрократическим. Такой стиль можно было бы сопоставить со стилем, который практикует американская левая профессура в кампусах, с его также нарочитым антиэстеблишментарным пафосом. Но стоит заметить, что американская профессура – это корпорация, возле которой

устанавливается мода, Ю.А.Левада же, как говорилось, принципиально один.

Лекции Левады продолжались несколько лет при очень большом стечении народа, они превратились в общемосковское явление, и конец наступил тогда, была сделана попытка их опубликовать в виде книги. Кодификация ереси – это переходило порог допустимого, теперь можно было наносить долго подготавливаемый удар по Леваде лично и главное, по всему, что символизировал он и ассоциируемая с ним социология.

Тем не менее, неформальный коллектив, наследовавший коллективу институционально оформленному, продолжал существовать. Неформальные связи спасли сообщество людей, занимавшихся социологией на протяжении длительного периода диасфорического существования.

В 1987 году состоялось открытие Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Эта «фабрика» по сбору социальной информации была создана Б.А.Грушиным и Т.И.Заславской. Вскоре они пригласили Ю.А.Леваду заведовать теоретическим отделом. На базе этого отдела в значительной степени восстановился коллектив, распущенный в 1972 году.

Ю.А.Левада с коллегами, прежде занимавшиеся в основном теоретической работой, и в очень небольшой мере – прикладными исследованиями, стали полевыми социологами, включились в работу того, что справедливо было названо «фабрикой».

К моменту, когда туда пришла эта группа, технология опросов была отлажена. Дело было за постановкой социальных проблем, подлежащих изучению, и выработкой содержательных средств этого изучения, которые в отрасли социологического социального исследования имеют очень специфический характер. Ю.А.Левадой и этой группой ремесло исследователя общественного мнения было освоено. С 1988 года до настоящего времени продолжается работа в режиме, который не введом академической социологии. Это режим, сравнимый с режимом еженедельной, а то и ежедневной газеты. Вскоре избранный на собрании трудового коллектива директором, Ю.А.Левада завел порядок, при котором одновременно решаются задачи обслуживания разнообразных заказчиков и находится время для того, чтобы заниматься повседневым анализом и оценкой окружающей социальной реальности.

Теперь еще об одном аспекте феномена Л. Еще в период функционирования вышеописанных семинаров Левады, обнаружилось, что есть значительная группа лиц, работающих в академических и ведомственных учреждениях, причастных так или иначе к социальному знанию, которые семинар не посещают, но не выпускают из своего поля зрения, ибо тем или иным образом ориентируются, принимают во внимание, внутренне соотносят себя с Левадой.

Лишь в незначительной степени это был тот тип коммуникаций, который свойственен каждой науке, в том числе и науке социальной,

когда один ученый определенным образом ориентируется на то, что делает другой, и таким образом осуществляется, по сути дела, научный процесс.

Здесь речь шла об ориентации не на научные результаты, полученные Левадой, и не на научные статьи, опубликованные Левадой, и даже не на оценки, которые Левада дал тем или иным социальным явлениям. Функция его фигуры в этом смысле оказалась иной. Ее можно было бы сравнить с известной антропологам функцией ритуального жреца, роль которого – не управлять, а своим присутствием и соблюдением определенных норм, которые не соблюдаются остальными, обеспечивать нормальное кругообращение времени. (Некоторые мои собеседники говорили об отечественных параллелях в виде фигуры праведника, без которого «не стоит село»). В иных выражениях очевидно, можно говорить о функции держателя нормы.

Как не раз приходилось слышать, для достаточно широкой категории людей первостепенное значение имел сам факт присутствия Левады с его окружением в том мире, в котором они также существовали, к этому окружению себя не относя. При этом, что особо важно – для одних его присутствие означало гарантию, символическую защиту тем ценностям, которые они сами разделяли; для других присутствие Левады и его семинара означало, что продолжают быть под защитой ценности, к которым они сами относятся сложно, которые они не разделяют, но не могут отрицать. Речь идет о номинальных, нормативных категориях, это ценности значимые для того социального слоя, к которому люди принадлежат в целом, хотя корпус норм их непосредственного окружения иной.

Безусловно, описываемый феномен глубоко присущ отечественной социальной культуре. Известны слова поэта о больших поэтах – «нету их – и все разрешено». Значит, не все разрешено, пока существует некий значимый держатель нормы внутри данного сообщества.

С появлением регулярно работающего Центра изучения общественного мнения начались регулярные публикации, выступления Ю.А.Левады в печати. Чаще всего это были выступления в оперативных СМИ. Далее стал регулярно выходить журнал, издаваемый ВЦИОМ, в котором Левада был и остается главным редактором, и в каждом номере – это шесть номеров в год – имеется его статья с обзором текущих или прошедших значимых социальных явлений. Журнал называется «Мониторинг общественного мнения». Можно сказать, что именно Ю.А.Левада, опираясь на работу большого коллектива, который проводит регулярные исследования, собственно, и осуществляет функцию мониторинга. Это он постоянно следит за тем, что происходит в стране, и постоянно же извещает страну о результатах своих наблюдений, выставляет свои оценки происходящему.

Таким образом, и функция «праведника», в свою очередь, была институционализована, и можно полагать, что в этом одна из причин очередного феноменального события в жизни описываемого явления.

Институт, который им был создан, власти решили уничтожить, но, не уничтожая физически, а лишая его тех функций, о которых мы говорим. По отношению к учреждению не было планов уничтожения; по отношению к общественному институту, о котором идет речь, безусловно, речь шла о планах прекратить его существование. В своей символической функции этот институт создавал помехи для установления аракчеевского режима, к чему стремятся теперь уже всем известные силы в российском обществе.

Тогда становится понятно, почему Левада оказывается таким деревом, в которое гроза ударяет дважды, что обычно считается очень маловероятным. Здесь события имеют вполне закономерный, а не случайный характер, поскольку складываются в очередной раз точно такие же условия, которые были почти тридцать лет назад. Бюрократическому виду правления противопоставлен его весьма эффективный антипод. Еще раз подчеркнем, что бюрократическому правлению противопоставлен не анархический протест, не эмоциональное сопротивление, не демонстрация иного ценностного набора, но институционализируемая форма протеста, которая, повторим, таким образом дает бой бюрократии на ее полях, и в определенном смысле отбирает у нее средства действия, средства правления. Посему реакция оказывается достаточно жесткой, ибо бюрократический режим понимает, что он защищает самые глубокие основания своего существования и возможностей управления.

Когда была осуществлена попытка уничтожить ВЦИОМ в той его функции, которую ему придал Ю.А.Левада, одним из, казалось, наиболее эффективных способов дискредитации Левады в общественном мнении, был запуск в оборот тезиса о том, что Левада, быть может, большой ученый, но плохой менеджер. Те, кто запускали эту идею, рассчитывали вот на что. Учреждение такого типа, как ВЦИОМ, занимающееся в значительной степени маркетинговыми исследованиями, принадлежит в силу этого сектору новой экономики, где критерием эффективности является высокая прибыль, а также сопутствующие этому символические формы новой офисной культуры, новые формы менеджмента, новые формы кадровой политики. Учреждение под руководством Ю.А.Левады мало или никак не соответствовало обозначенным критериям. По сравнению с другими агентствами такого типа оно было более громоздким, менее эффективным с точки зрения собирания прибыли. Основной костяк кадров почти не менялся, что не типично для подобной отрасли. Там были заработные платы существенно более низкие, чем в среднем по этой отрасли. Во всех других случаях это означало бы безусловно низкую эффективность менеджмента, и как следствие, уход с рынка.

Но примечательным образом при всех указанных недостатках агентство с рынка не ушло, более того, оказывалось на первых местах по сугубо профессиональным признакам. Способность на базе массовых опросов предсказать исход национальных выборов относится к

важнейшим критериям работы соответствующих агентств, потому что только таким способом можно проверить эффективность их работы как инструмента по изучению мнений избирателей или потребителей. При всех выше отмеченных «дефектах», ВЦИОМ оказывался на первых местах при многократно проводимых таким образом проверках. Результатам, собираемым ВЦИОМ, доверяли клиенты, доверяла аудитория, и это позволяло агентству иметь достаточное количество заказов, чтобы держаться на плаву, вести свою работу и присутствовать в качестве фактора на ниве изучения общественного мнения. Слабо-формализованный и не-авторитарный способ управления, практикуемый Ю.А.Левадой как директором ВЦИОМ, оказался, таким образом, не менее эффективным, чем современные варианты менеджмента. Не противопоставляя себя сознательно современному офисному стилю, современным типам менеджмента, Ю.А.Левада достаточно резко противопоставляет свой стиль руководства бюрократическому стилю. Он почти не занимается вопросами дисциплины, которым обычно уделяют внимание отечественные руководители, ибо это лучше всего позволяет ощущать и демонстрировать власть.

Он руководит большим учреждением, со сложными технологическими процессами, которые в нем осуществляются, так же, как руководил маленьким сектором или семинаром. Это тип руководства, основанный не на использовании собственных властных полномочий, а на использовании исключительно авторитета. Будучи формальным лидером, он руководит людьми как лидер неформальный. И это знают все.

Прямые угрозы политического характера, которые не так уж трудно вообразить сегодня, очевидно способствовали дерутинизации ситуации. Ю.А.Левада предложил сменить подвергаемый принудительной трансформации ВЦИОМ на неподконтрольный политическим инстанциям ВЦИОМ-А. Трудовой коллектив по собственному почину в полном составе последовал за своим руководителем. Это последнее из известных на сегодня проявлений феномена L.